V 1979

6 7 0

ТУ-19-241-77

8

2

студия
ДИАФИЛЬМ

07—3—321

РЦДБ
2015
Морозовская
СТАЧКА
художник
м. салтыков

—А ну, поторапливайся! Живо! Живо!

Вагон закрыли наглухо, и поезд двинулся. Худенький, веснушчатый паренёк по прозвищу Шпрынка съёжился у стенки на тряском полу: «Ну и болит же всё, словно после кулачного боя!»

Ему ответил другой мальчишеский голос: «И холодина какая... Только я всё равно не жалею, что бунт поднимали». — «Не бунт, — поправляет Шпрынка. — Бунт — дело мужицкое, а мы рабочие. Мы стачку организовали. Это значит, не давать хозяину потачки. Так говорил Анисимыч».

...Петр Анисимович Моисеенко появился на Никольской мануфактуре в начале 1884 г. Позади тюрьма и сибирская ссылка. А сюда он приехал для того, чтобы открыть ткачам глаза на порядки в морозовской вотчине.

«Фабрика моя — моё государство», — твердит Морозов. Хитрее паука плетёт он свою паутину. За всё штрафует. Поздно на работу вышел — 50 копеек, нагрубил мастеру — рубль, жаловался инспектору — рубль, не был в церкви — 50 копеек.

Набирались огромные суммы—всё в карман Морозову.–«Товар, что надо,—хвалит мастер.—Однако штраф».—«За что?»—удивляется ткач.—«А чтобы ещё лучше работал!»

В расчётных книжках против фамилии — пометка: кто «негодяй», кто «грубиян», кто «крайне вредный». Восемь тысяч рабочих у Морозова. Худые, хмурые, взгляд усталый.

После работы возвращаются в тёмные, холодные казармы. Вдоль стен нары, покрытые тряпьём,— для одиноких. А для семейных— крохотные каморки, похожие на тюремные камеры.

В пять утра — гудок. Мужчины, женщины, дети, целые семьи идут на фабрику.

В цехах шум станков, пыль, смрад.
Быстро вертится станок,
Ткачу отдыха не даёт.
И так день за днём.

–Когда с липы лыко дерут, она слезами плачет, а вы молчите. Мы кровью поливаем каждый аршин ситца, а Морозов эту нашу кровь в золото перегоняет! Если будет дружная стачка, если вся фабрика станет,—повертится Морозов.

Моисеенко поднялся и очень серьёзно добавил: «Будем крепко на своём стоять — победим. И ещё помните, товарищи, — никаких безобразий... Мы не хулиганы, а рабочие. И не грабить идём, а в бой за правду!»

Часто в такие беседы включался молодой, красивый ткач Василий Волков. Он первым поддерживал Моисеенко и сам начинал разговор о борьбе за рабочие права. Его уважали за смелый беспокойный нрав, за умение понятно и просто говорить.

—«Ткачей хочу поднять, Анисимыч, у всех накипело против Морозова, только некому собрать всю эту злобу в кулак».— «Трудной будет дорога, Василий, через тюрьмы и сибирские ссылки».—«Устоим!»

Стачка была назначена на 7 января. Но уже с ночи администрация во дворе фабрики выставила вооружённых сторожей. Угрожая дубинками, они подгоняли рабочих к дверям цехов.

Грохочут станки. Пыль кружится вокруг газовых рожков. Ткачи стоят злые, настороженно ждут...

—«Дяденька Анисыч, я знаю, как сигнал подать—погасить газ во всём корпусе!»—«Верно, сынок, да как большой кран достать? Лестницу потянешь— мастер заметит».—«Мы сами—лестница. Дозволь только!»

—«Давайте! А я покараулю».—Петр Анисимович остановился в проходе, готовый задержать всякого, кто направится в угол, где «живая лестница» уже тянулась к центральному крану. 10

Внезапно стало темно. Отовсюду слышались выкрики: «Бросай работу!».—Ткачи кинулись к выходу.

Стеной стоит народ во всех фабричных дворах. Радостно возбуждённые люди подхватывают каждое смелое слово.

К вечеру казармы гудели, как пчелиный улей. Ткачи обсуждали требования, которые они собирались предъявить фабриканту. Каждый припоминал свою обиду. Моисеенко и Волков ходили из корпуса в корпус, объясняли, готовили рабочих к отпору.

Весть о стачке на Никольской мануфактуре дошла до Москвы. Морозов послал срочную телеграмму губернатору: «Администрация и фабрика в крайней опасности».

Утром ткачей разбудил барабанный бой. В Никольское входили солдаты пехотного полка и казачьи части.

—Уговор помните!—убеждал Моисеенко.—Они только и ждут, чтобы мы первые драку начали.

В эту минуту на крыльце конторы появился губернатор.— «Волков!!!—громко крикнул Моисеенко.— Бери требования и беги к нему!»

В ответ на жалобы измученных людей губернатор приказал арестовать Волкова и других активистов.

Весть об этом разнеслась по казармам. Из корпусов высыпал народ. Казакам не удалось приблизиться к разъярённой толпе. Рабочие отбивались ломами, оглоблями, мальчишки под командой веснушчатого Шпрынки закидывали казаков снежками.

Морозов пообещал вернуть штрафы за три месяца и уволить самых ненавистных рабочим мастеров.

Ткачи сорвали объявление администрации и вместо него наклеили своё:

«Объявляется «Савве Морозову», что за эту сбавку ткачи и прядильщики никак не соглашаются работать. А если ты нам не прибавишь расценок... то мы будем бунтоваться до самой пасхи».

–Товарищи, рабочему неоткуда ждать защиты. Дружнее за общее дело, и Морозов на новые уступки пойдёт!

И, действительно, пошёл хозяин на уступки. Приказал штрафовать только за неисправную работу, за прогулы и нарушение порядка. Однако организаторы стачки были арестованы. 32

Вскоре арестовали и Моисеенко. Сам жандармский полковник вёз его в тюрьму. Улица была пуста. Один Шпрынка долго бежал за санями и кричал: «Дяденька Анисыч! Прощай!»

В мае 1886 г. морозовцев судили и вынуждены были оправдать. Судьи при всём старании не могли скрыть страшную правду о морозовской каторге.

— «Царь испугался — фабричный закон выпускает. Боролись морозовцы и кое-чего добились. За лучшую жизнь надо драться!» — вот что поняли рабочие.

Моисеенко и Волкова отправили в ссылку на 3 года.

Всё выдержал Петр Анисимович Моисеенко и дожил до великой радости — освобождения рабочих от власти капитала. Летом 1923 г. на одной из улиц Москвы он увидел в машине военного и узнал в нём Шпрынку, веснушчатого мальчика из Никольского.

РГДБ 2015
КОНЕЦ
Диафильм к эпизодическим рассказам по истории СССР для 4 кл. сделан по заказу Министерства просвещения СССР
Автор Э. Генкина
Художественный редактор В. Иванов
Редактор В. Чернина
Студия «Диафильм» Госкино СССР, 1975 г.
101000, Москва, Центр, Старосадский пер., д. №7
Цветной 0-30
Д-074-75
37